

БЕДНЫЙ БОГАЧ

«Ну, стоит ли богатым быть,
Чтоб вкусно никогда ни съесть, ни спить
И только деньги лишь копить?
Да и на что? Умрем — ведь все оставим!
Мы только лишь себя и мучим, и бесславим.
Нет, если б мне далось богатство на удел,
Не только бы рубля, я б тысяч не жалел,
Чтоб жить роскошно, пышно,
И о моих пирах далеко б было слышно;
Я даже делал бы добро другим;
А богачей скупых на муку жизнь похожа».

Так рассуждал Бедняк с собой самим,
В лачужке низменной, на голой лавке лежа;
Как вдруг к нему сквозь щелочку пролез,
Кто говорит — колдун, кто говорит — что бес,
Последнее едва ли не вернее:
Из дела будет то виднее.

Предстал и начал так: «Ты хочешь быть богат,
Я слышал для чего; служить я другу рад.
Вот кошелек тебе: червонец в нем, не боле;
Но вынешь лишь один, уж там готов другой.
Итак, приятель мой,

Разбогатеть теперь в твоей лишь воле.
Возьми ж и из него без счета вынимай,
Доколе будешь ты доволен;
Но только знай:
Истратить одного червонца ты не волен,
Пока в реку не бросишь кошелька».
Сказал — и с кошельком оставил Бедняка.
Бедняк от радости едва не помешался;
Но лишь опомнился, за кошелек принялся.
И что ж? — Чуть верится ему, что то не сон:
Едва червонец вынет он,
Уж в кошельке другой червонец шевелится.
«Ах, пусть лишь до утра мне счастье
продлится! —
Бедняк мой говорит, —
Червонцев я себе повытаскаю груду;
Так завтра же богат я буду
И заживу, как сибарит».
Однако ж поутру он думает другое.
«То правда, — говорит, — теперь я стал богат;
Да кто ж добру не рад?
И почему бы мне не быть богаче вдвое?
Неужто лень
Над кошельком еще провести хоть день?
Вот на дом у меня, на экипаж, на дачу;
Но если закупить могу я деревень,
Не глупо ли, когда случай к тому утрачу?
Так удержу чудесный кошелек:
Уж так и быть, еще я поговеею
Один денек;
А, впрочем, ведь пожить всегда успею».

Но что ж? Проходит день, неделя, месяц, год —
Бедняк мой потерял давно в червонцах счет;
Меж тем он скудно ест и скудно пьет;

Но чуть лишь день, а он опять за ту ж работу.

День кончится, и, по его расчету,
Ему всегда чего-нибудь недостает.

Лишь кошелек нести сберется,
То сердце у него сожмется;

Придет к реке — воротится опять.

«Как можно, — говорит, — от кошелька
отстать,

Когда мне золото рекою само льется?»

И, наконец, Бедняк мой поседел,
Бедняк мой похудел;

Как золото его, Бедняк мой пожелтел;

Уж и о пышности он боле не смекает:

Он стал и слаб, и хил; здоровье и покой —

Утратил все; но все дрожащею рукой

Из кошелька червонцы он таскает.

Таскал, таскал... и чем же кончил он?

На лавке, где своим богатством любовался,

На той же лавке он скончался,

Досчитывая свой девятый миллион.

БЕЛКА

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хором
Народ толпился:
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с березы ей дивился тоже дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, — спросил тут дрозд, —
нельзя ли
Сказать, что делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть».
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, — улетаю, дрозд сказал, — то ясно
мне,
Что ты бежишь, а все на том же ты
окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется — ему дивятся все;

Он, кажется, из кожи рвется,
Да только все вперед не подается,
Как белка в колесе.

БУЛАТ

Булатной сабли острый клинок
Заброшен был в железный хлам;
С ним вместе вынесен на рынок
И мужику задаром продан там.

У мужика затеи невелики:
Он отыскал тотчас в Булате прок.
Мужик мой насадил на клинок черенок
И стал Булатом драть в лесу на лапти лыки,
А дома запросто лучину им щепать;
То ветви у плетня, то сучья обрубить
Или обтесывать тычину к огороду.

Ну, так, что не прошло и году,
Как мой Булат в зубцах и в ржавчине кругом,
И дети ездят уж на нем
верхом.

Вот Еж, в избе под лавкой лежа,
Куда и клинок брошен был,
Однажды так Булату говорил:
«Скажи, на что вся жизнь твоя похожа?
И если про Булат
Так много громкого неложно говорят:
Не стыдно ли тебе щепать лучину

Или обтесывать тычину
И, наконец, игрушкой быть ребят?» —
«В руках бы воина врагам я был ужасен, —
Булат отвечает, — а здесь мой дар напрасен;
Так, низким лишь трудом я занят здесь в дому,
Но разве я свободен?
Нет, стыдно-то не мне, а стыдно лишь тому,
Кто не умел понять, к чему я годен».

БУМАЖНЫЙ ЗМЕЙ

Запущенный под облака
Бумажный Змей, приметя свысока
В долине Мотылька,
«Поверишь ли! — кричит. —
Чуть-чуть тебя мне видно;
Признайся, что тебе завидно
Смотреть на мой высокий столь
полет». —
«Завидно? Право, нет!
Напрасно о себе ты много так мечтаешь:
Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.
Такая жизнь, мой свет,
От счастья весьма далеко;
А я, хоть, правда, невысоко,
Зато лечу,
Куда хочу;
Да я же так, как ты, в забаву для другого,
Пустого,
Век целый не трещу».

ВАСИЛЕК

В глуши расцветший Василек
Вдруг захирел, завял почти до половины
И, голову склоня на стебелек,
Уныло ждал своей кончины;
Зефиру между тем он жалобно шептал:
«Ах, если бы скорее день настал,
И солнце красное поля здесь осветило,
Быть может, и меня оно бы оживило!» —
«Уж как ты прост, мой друг! —
Ему сказал, вблизи копясь, Жук, —
Неужли солнышку лишь только и заботы,
Чтобы смотреть, как ты растешь,
И вянешь ты или цветешь?
Поверь, что у него ни время, ни охоты
На это нет.
Когда бы ты летал, как я, да знал бы свет,
То видел бы, что здесь луга, поля и нивы
Им только и живут, им только и счастливы:
Оно своею теплотой
Огромные дубы и кедры согревает,
И удивительною красотой

Цветы душистые богато убирает;
Да только те цветы
Совсем не то, что ты:
Они такой цены и красоты,
Что само время их, жалея, косит;
А ты не пышен, не пахуч;
Так солнца ты своей доукою не мучь!
Поверь, что на тебя оно луча не бросит
И добиваться ты пустого перестань,
Молчи и вянь!»

Но солнышко взошло, природу осветило,
По царству Флорину рассыпало лучи,
И бедный Василек, завянувший в ночи,
Небесным взором оживило.

О вы, кому в удел судьбою дан
Высокий сан!
Вы с солнца моего пример себе берите!
Смотрите:

Куда лишь луч его достанет, там оно,
Былинке ль, кедру ли — благоволит равно,
И радость по себе, и счастье оставляет;
Зато и вид его горит во всех сердцах,
Как чистый луч в восточных хрусталях,
И все его благословляет.

ВОЛК И ВОЛЧОНОК

Волчонка Волк, начав помалу приучать
Отцовским промыслом питаться,
Послал его опушкой прогуляться;
А между тем велел прилежней примечать,
Нельзя ль где счастья им отведать.
Хоть, захвата греха,
На счет бы пастуха
Позавтракать иль пообедать.
Приходит ученик домой
И говорит: «Пойдем скорей со мной!
Обед готов; ничто не может быть вернее:
Там под горой
Пасут овец, одна другой жирнее;
Любую стоит лишь унести
И съесть;
А стадо таково, что трудно перечесть». —
«Постой-ка, — Волк сказал, — сперва
мне ведать надо,
Каков пастух у стада?» —
«Хоть говорят, что он
Не плох, заботлив и умен,
Однако стадо я обшел со всех сторон

И высмотрел собак: они совсем не жирны
И плохи, кажется, и смирны». —
«Меня так этот слух, —
Волк старый говорит, — не очень к стаду
манит:

Коль подлинно не плох пастух,
Так он плохих собак держать не станет.
Тут тотчас попадешь в беду!
Пойдем-ка, я тебя на стадо наведу,
Где сэкономим верней мы наши шкуры:
Хотя при стаде том и множество собак,
Да сам пастух дурак;
А где пастух дурак, там и собаки дуры».

ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Что волки жадны — всякий знает:

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает.

Зато на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул Волку в пасть и с трудностью

большую

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! — зверь вскричал

коварный. —

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!

А это ничего, что свой ты долгий нос

И с глупой головой из горла цел унес?

Поди ж, приятель, убирайся,

Да берегись: вперед ты мне не попадайся!»

ВОЛК И КОТ

Волк из лесу в деревню забежал,
Не в гости, но живот спасая;
За шкуру он свою дрожал:
Охотники за ним гнались и гончих стая.
Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота,
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Вот видит Волк мой на заборе
Кота
И молит: «Васенька, мой друг! Скажи
скорее,
Кто здесь из мужиков добрее,
Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?
Ты слышишь лай собак и страшный звук
рогов?
Все это ведь за мной». — «Проси скорей
Степана;
Мужик предобрый он», — кот Васька
говорит.
«То так, да у него я ободрал барана». —
«Ну попытайся ж у Демьяна». —
«Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унес козленка». —
«Беги ж, вон там живет Трофим». —
«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться
я с ним:
Он на меня с весны грозится за ягненка!» —
«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —
«Ох, Вася, у него зарезал я теленка!» —
«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил! —
Сказал тут Васька Волку. —
Какую ж ты себе защиту здесь сулил?
Нет, в наших мужичках не столько
мало толку,
Чтоб на свою беду тебя спасли они.
И правы — сам себя вини:
Что ты посеял, то и жни».

ВОЛК И МЫШОНОК

Из стада серый Волк
В лес овцу затащил, в укромный уголок,
Уж разумеется, не в гости:
Овечку бедную обжора ободрал,
И так ее он убирал,
Что на зубах хрустели кости.
Но как ни жаден был, а съесть всего
не мог;
Оставил к ужину запас и подле лег
Понежиться, вздохнуть от жирного обеда.
Вот близкого его соседа,
Мышонка, запахом пирушки привлекло.
Меж мхов и кочек он тихохонько
подкрался,
Схватил кусок мяса и с ним скорей
убрался
К себе домой, в дупло.
Увидя похищенье,
Волк мой
По лесу поднял вой;

Кричит он: «Караул! разбой!
Держите вора! Разоренье:
Расхитили мое имянье!»

Такое ж в городе я видел приключенье:
У Климыча судьи часишки вор стянул,
И он кричит на вора: «Караул!»

ВОЛК И ЯГНЕНОК

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

Ягненок в жаркий день зашел к ручью
напиться;
И надобно ж беде случиться,
Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец,
нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и с илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу». —

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты еще в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил:

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне еще и отроду нет году», —

Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —

«Нет братьев у меня». — «Так это кум

иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вредите,

Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —

«Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я

слушать,

Досуг мне разбирать вины твои, щенок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне

кушать». —

Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

ВОЛК НА ПСАРНЕ

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
 Попал на псарню.
 Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
 Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!»
 И вмиг ворота на запор;
 В минуту псарня стала адом.
 Бегут: иной с дубьем,
 Иной с ружьем.
«Огня, — кричат, — огня!» Пришли с огнем.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом.
 Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
 Но, видя то, что тут не перед стадом,
 И что приходит наконец
 Ему рассчестся за овец,
 Пустился мой хитрец
 В переговоры
И начал так:
 «Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,

Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, оставим общий лад;
А я не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад
 И волчьей клятвой утверждаю,
 Что я...» — «Послушай-ка, сосед,
 Тут Ловчий перервал в ответ, —
 Ты сер, а я приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
 А потому обычай мой
 С волками иначе не делать мировой,
 Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

ВОЛКИ И ОВЦЫ

Овечкам от волков совсем житья не стало,
И до того, что наконец
Правительство зверей благие меры взяло
Вступиться в спасенье овец:
И учрежден совет на сей конец.
Большая часть в нем, правда, были волки;
Но не о всех волках ведь злые толки.
Видали и таких волков,
и многократ —
Примеры эти не забыты, —
Которые ходили близко стад
Смирнехонько, когда бывали сыты;
Так почему ж волкам в совете и не быть?
Хоть надобно овец оборонить,
Но и волков не вовсе ж притеснить.
Вот заседание в глухом лесу открыли,
Судили, думали, рядили
И наконец придумали закон.
Вот вам от слова в слово он:
«Как скоро волк у стада забуянит
И обижать он овцу станет,
То волка тут властна овца,

Не разбираючи лица,
 Схватить за шиворот и в суд тотчас
 представить,
 В соседний лес иль в бор».

В законе нечего прибавить, ни убавить;
 Да только я видал до этих пор, —

Хоть, говорят, волкам и не спускают, —
 Что будь овца ответчик иль истец,
 А только волки все-таки овец
 В леса таскают.

ВОРОНА И ЛИСИЦА

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесь гнусна, вредна; но только все
не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.
Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать совсем уж было собралась,
Да призадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близехонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Вертит хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!
Ну что за шейка, что за глазки!
Рассказывать, так, право, сказки!
Какие перышки! какой носок!
И, верно, ангельский быть должен голосок!
Спой, светик, не стыдись! Что, ежели, сестрица,
При красоте такой и петь ты мастерица, —
Ведь ты б у нас была царь-птица!»